

Брет Гарт

Габриель Конрой

Перевод с английского
Абеля Старцева

ФТМ

Фрэнсис Брет Гарт

Габриэль Конрой

«ФТМ»

Брет Гарт Ф.

Габриэль Конрой / Ф. Брет Гарт — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-0610-5

Полная испытаний и жестокости жизнь золотоискателей американского Запада, суровые и мужественные герои, проявления человеческой доброты и верности – вот главные темы произведений Брет Гарта. Он был дерзким журналистом, лирическим поэтом, своеобразным прозаиком. Его писательский дар признали сразу и, как ни удивительно, раньше всего в России. Но не только авантюрные сюжеты и колоритные образы героев произведений Брет Гарта влекут к его книгам все новых читателей, а возможно, торжество справедливости, которое присутствует и в единственном романе «Габриэль Конрой», и в повестях и рассказах.

ISBN 978-5-4467-0610-5

© Брет Гарт Ф.

© ФТМ

Содержание

Часть первая	5
1. Вовне	5
2. Внутри	10
3. Гэбриель	16
4. Природа указывает путь	19
5. Из лесу – в сумрак	22
6. Следы	25
7. Следы теряются	28
8. Следы почти неразличимы	30
9. Следы исчезли навсегда	33
Часть вторая	37
1. Гнилая лощина	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Брет Гарт Габриэль Конрой

Часть первая На пороге

1. Вовне

Бело. Кругом бело. Даже если вы взберетесь на самую высокую из здешних вершин, чтобы глянуть на юг, – а окрестность открывается оттуда на добрые пятьдесят миль, – то и тогда не увидите ничего, кроме снега. Снег засыпал яры и ущелья, одел белым саваном каньоны, преобразил водораздел в подобие чудовищного могильника, укрыл основания сосен-гигантов и с верхушками упрятал молодые сосенки и лиственницы, облил белой глазурью берега чашеобразных озер, таких тихих сейчас и недвижимых, и простерся – словно застывший волнистый океан – вплоть до самой линии горизонта. 15 марта 1848 года калифорнийская Сьерра была под белым покровом, а снег все валил и валил.

Он шел уже десять суток. Он падал на землю изящными ледяными кристаллами, мокрыми губчатыми хлопьями, прозрачными легкими пушинками. Из свинцовых туч он шел ровно и медленно, с багряно-черного неба валился плотной массой, а когда по небу проносились разорванные облака, они выбрасывали снег длинными струями, словно белые копья. Он падал беззвучно. Леса задыхались от снега, ветви деревьев изнемогали под его тяжестью; он захватил, пропитал, взял в полон и небо и землю; он укутал, устлал мягким ковром гулкие утесы и звенящие эхом склоны гор, обрекши их на безмолвие. Самый резвый порыв ветра, самый яростный вихрь не мог теперь вызвать ни жалобы, ни вздоха от скованного снегом, окаменевшего леса. Сук не хрустнет, хворост не затрещит. Перегруженные снегом ветви сосен и елей отламывались от стволов и падали на землю в молчании. Безмерная, бескрайняя, необъятная тишина!

Ни малейшее дыхание жизни, ни малейшее движение не нарушали строго очерченный облик этого заколдованного пейзажа. Вверху не было привычной игры света и тени: сгущающаяся тьма бури сменялась ночной тьмой. Внизу – ни птицы над белой пустыней, ни зверя – в черном лесу. Если и обитали когда в этих пространствах живые существа, они давно ушли прочь – в низины. Нигде – ни пробитой тропы, ни следа. Если и был здесь отпечаток ноги человека или животного, его стер, замел падающий снег. Пустыня просыпалась каждое утро девственной и безмятежной; миллионы крохотных танцоров успевали отполировать за ночь снежную гладь. Но все же в самом центре пустыни, в главном форте этой суровой крепости виднелся знак людского труда.

Несколько срубленных деревьев лежало у самого входа в каньон, свежие стружки были лишь слегка припорошены снегом. Эти деревья были свалены для того, чтобы вернее открыть взору другое дерево, к стволу которого было прикреплено грубое изображение человеческой руки, указующей на каньон. Под изображением руки был накрепко прибит квадратный кусок парусины со следующей надписью:

«ВНИМАНИЕ!

Партия переселенцев под водительством капитана Конроя заблудилась в снежную бурю и разбила лагерь в этом каньоне. Продовольствие кончилось. Умираем голодной смертью.

Вышли из Сент-Джо 8-го октября 1847 года.

Вышли из Солт-Лейк 1-го января 1848 года.

Прибыли сюда 1-го марта 1848 года.

Потеряли половину лошадей, переправляясь через Плату.

Бросили повозки 20-го февраля.

ПОМОГИТЕ!

Вот наши имена: Джоэл Маккормик, Питер Дамфи, Поль Деварджес, Грейс Конрой, Олимпия Конрой, Мэри Дамфи, Джейн Брэккет, Гэбриель Конрой, Джон Уокер, Генри Марч, Филип Эшли «.

Внизу было приписано помельче карандашом:

«Мама умерла 8-го ноября в Суитуотере.

Мини умерла 1-го декабря в Эхо-Каньоне.

Джейн умерла 2-го января в Солт-Лейк.

Джеймс Брэккет пропал без вести 3-го февраля.

ПОМОГИТЕ!»

Жалобы страдальцев обычно не претендуют на изящество стиля или законченность формы; сомневаюсь, однако, чтобы какие-либо риторические ухищрения могли придать этому объявлению еще большую выразительность. Поэтому я привожу его в точности, как оно висело на дереве в день 15 марта 1848 года, полузакрытое тонкой пленкой мокрого снега, под выбеленной снегом, словно отмороженной, рукой, указующей окостеневшим перстом – как если бы то был перст самой смерти – в сторону рокового каньона.

В полдень буря поутихла, и восточная сторона неба чуть посветлела. Стали различимы суровые очертания дальних вершин, и, словно запавший от бескормицы, белый рок горы заблестел. Кто-то двигался по заснеженному склону, двигался медленно, с огромным трудом, двигался столь странным образом, что не сразу можно было решить, человек это идет или зверь. То он поднимался на ноги, то припадал на четвереньки, иногда устремлялся вперед, словно пьяный, утративший чувство равновесия, но при всем том строго сохранял принятое направление: он шел к каньону.

Вскоре сомнения рассеялись: то был человек. Исхудалый до невозможности, оборванный, укутанный в ветхую бизонью шкуру, но все же человек, и к тому же решительного характера. Молодой человек, хотя плечи его ссутулились, а ноги едва ходили, хотя горе и заботы избороздили его лоб преждевременными морщинами и проложили складки в углах застывшего рта; молодой, хотя страдания и голод прогнали с его лица юношескую беспечность, оставив лишь ярость и отчаяние.

Подойдя к дереву у входа в каньон, он счистил снег с парусинового плаката, а потом привалился к стволу и простоял несколько минут неподвижно. В отрешенной этой позе сквозило нечто такое, что говорило о крайнем изнеможении еще красноречивее, нежели лицо его и движения, и было трудно объяснимо даже при создавшихся обстоятельствах. Чутьочку отдохнув, он двинулся дальше, подстегивая свою нервную энергию, спотыкаясь, падая, останавливаясь, чтобы поправить соскальзывавшие с ног лыжи-самоделки из еловой коры, и вновь устремляясь вперед с лихорадочностью человека, который страшится, как бы не изменила ему его крепкая воля, последний его оплот.

На расстоянии мили от дерева, где каньон, сужаясь, постепенно поворачивал к югу, из отверстия в снегу поднимался слабый кудрявый дымок. Когда молодой человек подошел поближе, он увидел свежие следы; у невысокого холмика, откуда тянулся дым, снег был утоптан. Тут он остановился, а если точнее сказать, прилег у входа в снеговую пещеру и что-то крикнул слабым голосом. Ответ прозвучал еще слабее. В отверстии показалась голова; из пещеры вылез человек, закутанный в лохмотья; за ним второй, третий, четвертый; скоро восемь человеческих существ, мужчин и женщин, окружили лежавшего на снегу вестника. Они сидели,

при-пав к земле, как звери; на зверей они походили и полным отсутствием чувства приличия и стыда.

Они были так худы, так измучены, на их прозрачных от истощения лицах царила такая безнадежность, человеческое в них – вернее, то, что осталось человеческого, – пробуждало столь сильную жалость, что, глядя на них, трудно было не заплакать. Скотское же в них, пробужденное выпавшими на их долю лишениями, тупость, зверство, отсутствие мысли в лице выглядело столь нелепо, что поневоле рождался смех. Это были деревенские жители, принадлежавшие в большинстве к тому социальному слою, который черпает самоуважение не в нравственной силе и не в силе интеллекта, а лишь в общественном положении и во владении собственностью. Как только страдание уравнило их, они отбросили стыд и совесть: за душой у них не осталось ничего, что могло бы заменить утраченные материальные блага. Они были детьми, но без детского честолюбия и духа соревнования; они были мужчинами и женщинами, но лишенными спокойной важности зрелого возраста. Все, что возвышало их над животным состоянием, было потеряно в снегах. Утрачены были даже видимые различия пола и возраста: шестидесятилетняя старуха ссорилась, дралась и сквернословила с ухватками заправского буяна; страдавший цингой юноша хныкал, стонал и падал в обморок подобно истерической девице. Так глубоко они пали, что вестник, вызвавший их из снежной пещеры, сколь ни был сам он дик с виду и подавлен душевно, казался теперь существом из другого мира.

Все эти люди были не в себе, сознание их помутилось, но одна женщина, как видно, вовсе лишилась рассудка. Она держала небольшое одеяло, сложенное так, словно в нем был укутан младенец (ребенок умер у нее на руках несколько дней тому назад), и баюкала сверток с трогательной верой в свою странную выдумку. Еще прискорбнее было то, что ее бред не пробуждал в окружающих ни малейшего отклика, ни раздражения, ни сочувствия; они просто его не замечали. Когда через несколько минут женщина попросила не шуметь, чтобы не разбудить ребенка, они устремили на нее равнодушные взоры. Только рыжеволосый мужчина, жевавший клоч бизоньей шкуры, злобно ощерился на несчастную, но тут же позабыл о ней и снова погрузился в жвачку.

Вестник немного помедлил, скорее для того, чтобы собраться с силами, нежели выжидая внимания своих беспокойных слушателей. Потом произнес одно-единственное слово:

– Ничего!

– Ничего? – Они откликнулись в один голос, но с разной интонацией, отражавшей особенности темперамента каждого: один свирепо, другой угрюмо, третий тупо, четвертый безнадежно. Женщина, баюкающая свернутое одеяло, рассмеялась и прошептала несуществующему ребенку:

– Он сказал: ничего!

– Да, ничего, – повторил вестник. – Вчерашний снегопад опять занес дорогу. Сигнальный огонь на холме погас; кончилось горючее. Я повесил объявление у водораздела... Еще раз замечу, Дамфи, и я прошибу твою мерзкую башку.

Дело в том, что женщина с младенцем попыталась подобраться поближе, и рыжеволосый мужчина грубо оттолкнул ее и ударил; он был ее мужем и таков был, очевидно, обычай их семейной жизни. Женщина словно не заметила ни мужнего гнева, ни колотушек – равнодушные, с каким эти люди принимали оскорбления и удары, было устрашающим – и, подползши к вестнику, спросила с надеждой в голосе:

– Значит, завтра?

Выражение на лице молодого человека смягчилось, и он ответил ей, как отвечал уже восемь дней подряд:

– Завтра наверняка.

Она отползла прочь, бережно придерживая свой сверток, и исчезла в пещере.

– Сдается мне, что от тебя мало толку. Сдается мне, что ты ни гроша не стоишь, – заявила скрипучим голосом одна из женщин, уставившись на вестника. – Почему никто из вас сам не пойдет на разведку? Почему вы доверяете свою жизнь и жизнь ваших жен этому Эшли?

Голос женщины становился громче и громче, пока не перешел в рев. Генри Конрой, истерический юноша, сидевший рядом с ней, поднял дикий испуганный взгляд и, словно опасаясь, как бы его не втянули в ссору, поспешил ретироваться по примеру миссис Дамфи.

Эшли пожал плечами и возразил, обращаясь не столько к говорившей, сколько к группе в целом:

– Спасение – только в одном... И для меня и для вас... И вы это отлично знаете. Остаться здесь – верная гибель. Надо идти вперед, чего бы это ни стоило.

Он поднялся и медленно зашагал прочь, туда, где в нескольких десятках метров вверх по каньону возвышался еще один снежный холмик. Вскоре он исчез из виду.

Только он ушел, сидевшие кружком сварливо загомонили:

– Отправился к старому доктору и к девчонке. На нас ему наплевать.

– От этих двоих нужно избавиться.

– Да, от сумасшедшего доктора и от Эшли.

– Чужаки, – и тот и другой.

– С них все и пошло!

– Только подобрали его, и сразу не стало удачи.

– Но ведь капитан сам позвал старого доктора в Суитуотере и взял его в долю, а Эшли внес свой пай продовольствием.

Это сказал Маккормик. Где-то в глубинах его ослабшего сознания еще брезжило чувство справедливости. Голод не притупил его разума до конца. Кроме того, он с нежностью вспоминал о вкусной еде, внесенной Эшли в общий котел.

– Ну и что с того? – вскричала миссис Брэккет. – Разве не от него все наши беды? Мой муж – в могиле, а этот чужак, этот хорек здравствует, как ни в чем не бывало.

Хотя голос ее звучал по-мужски, логика была чисто женской. И все же в атмосфере глубокого физического и умственного упадка, в том сумраке, который предшествует смерти от истощения и голода, такого рода логика часто бывает притягательной. Все они поддались ей и излили свои высокие чувства в едином аккорде: «Будь он проклят!»

– Что же с ним сделать?

– Будь я мужчиной, я сказала бы.

– Прирезать.

– Убить и... – Конец фразы миссис Брэккет произнесла шепотом, обращаясь исключительно к мистеру Дамфи; и другие так его и не услышали. Эти же двое продолжали беседовать между собой, доверительно качая головами, как два непарных, но равно мерзких на вид китайских болванчика.

– Поглядите, сколько у него сил, а ведь он непривычен к труду, как мы с вами, – сказал Дамфи. – Ручаюсь, у него что-нибудь да имеется.

– Что именно?

– Имеется что покушать! – Буквами не передать силу выражения, вложенную в последнее слово. – Пойдем-ка за ним.

– И убьем его, – внесла свое предложение добросердечная миссис Брэккет.

Охваченные энтузиазмом, все поднялись на ноги, проковыляли несколько шагов и тут же повалились на снег. Но и тогда у них не нашлось капли самоуважения, чтобы устыдиться своего неудавшегося замысла. Дамфи один поплелся дальше.

– Что это был за сон, который ты начал рассказывать? – спросил мистер Маккормик. Он устроился в снегу поудобнее, позабыв, как видно, начисто о том, что собирался делать минуту назад.

– Про обед в Сент-Джо? – откликнулся тот, к кому он обратился с вопросом. Этот человек был наделен гастрономической фантазией, которая стала для его сотоварищей источником блаженства и муки одновременно.

– Да, да!

Все пододвинулись к рассказчику, и даже отошедший было Дамфи застыл на месте.

– Так вот, – сказал мистер Марч, – на первое подали бифштекс с луком. Огромный бифштекс, сочный-пресочный; он просто плавал в луковой подливке. – У слушателей потекли слюнки, а мистер Марч с инстинктом прирожденного рассказчика, словно запомнил только что сказанное, повторил снова: – ... просто плавал в луковой подливке. Потом подали печеную картошку.

– В тот раз ты сказал жареную. С нее капал жир, – прервала его миссис Брэкет.

– Кто захотел жареную, тому дали жареную. Но печеная сытнее, она с кожурой. Потом подали колбасу и кофе. А под конец – блинчики.

При этом волшебном слове слушатели захохотали, быть может, не достаточно весело, но зато дружно и с готовностью.

– Давай дальше!

– Под конец подали блинчики!

– Ты уже сказал об этом, – прорычала миссис Брэкет, впадая в неистовство. – Дальше давай, будь ты проклят!

Творец лукулловского пиршества почувствовал надвигающуюся опасность и огляделся, ища Дамфи. Но того и след простыл.

2. Внутри

Жилище, в которое спустился Эшли, было ниже уровня снежного покрова, наподобие гренландского «иглу». Стало оно таким не по замыслу своих строителей, но волей обстоятельств. Снег, падая день за днем, все сильнее заносил вход в хижину, все плотнее оседал белой лесенкой на ее стенах; а сил у обитателей домика становилось все меньше, пока наконец они не оставили для связи с внешним миром только узкое отверстие наружу. Воздух в хижине был спертым, удушающим, но зато здесь было тепло; холод для истощенного организма страшнее тьмы и духоты.

Огонь, тлевший в печурке, бросал на стены слабый отблеск. В полутьме на полу можно было различить четыре фигуры: возле огня лежали молодая девушка и ребенок трех или четырех лет, покрытые одним одеялом; ближе к двери двое мужчин – каждый сам по себе. Всех четырех легко можно было счесть за мертвецов – столь глубокой была их дремота.

Наверное, подобные опасения возникли и у Эшли; помедлив у входа, он молча подошел к девушке, опустился на колени и коснулся рукой ее лица. Прикосновение было легким, но прервало ее забытие. Не знаю, что за магнетизм таился в пальцах молодого человека, но девушка села, схватила его за руку и, еще не раскрыв глаза, промолвила:

– Филип!

– Тише, Грейс! – Он поднес ее руку к губам, поцеловал, потом предостерегающе кивнул в сторону спящих. – Не так громко. Я должен тебе многое сказать.

Девушка не отрываясь смотрела на него и, казалось, почерпала в том блаженство.

– Ты вернулся, – прошептала она, чуть улыбаясь. В ее взгляде можно было прочесть, что это для нее важнее всего на свете. – Ты мне только что снился, Филип.

– Милая Грейс, – он еще раз поцеловал ей руку. – Послушай, дорогая, что я тебе скажу. Я вернулся, но без новостей. Никакого просвета, никакой надежды на помощь. Я думаю, Грейс, – тут он зашептал еще тише, чтобы слова его не достигли ничьих ушей, – что мы забрели далеко к югу от главного пути. Только чудо или несчастье, подобное нашему, может привести сюда других людей. Мы одни, без всякой помощи, в неведомом краю, который покинули даже индейцы и дикие звери. Мы можем надеяться лишь на собственные силы, а сил у нас мало, – он бросил на спящих взгляд, не лишенный некоторого цинизма, – ты знаешь это не хуже моего.

Она сжала его руку, словно относя упрек и к себе и прося извинения, но ничего не сказала.

– Мы утратили не только физические силы, но и внутреннюю дисциплину, – продолжал он. – Со дня смерти твоего отца у нас нет руководителя. Я знаю, милая Грейс, что ты хочешь сказать, – возразил он в ответ на ее протестующий жест, – но даже если бы ты и была права, даже если бы я годился на место твоего отца, они все равно не захотели бы меня слушать. Что ж, может быть, оно и к лучшему. Пока мы будем все вместе, при нас останется и главная опасность, опасность, исходящая от нас самих.

Произнося эти последние слова, Филип бросил на нее пристальный взгляд, но она, как видно, не поняла его значения.

– Грейс, – сказал он, набравшись духу, – когда умирающие от голода люди волею судьбы брошены все вместе, нет такого преступления, на которое каждый из них не пошел бы, чтобы спасти свою жизнь; чем меньше надежды на спасение, тем упорнее они цепляются за нее. Ты, верно, сама читала об этом в книгах. Господи Боже! Да что с тобой, Грейс?

Если она и не читала этого в книгах, то прочитала на лице, которое показалось в ту самую минуту в дверном отверстии; в лице этом было так мало человеческого, оно пробуждало столь страшные мысли, что девушке не потребовалось дальнейших разъяснений; это был знакомый ей человек – Питер Дамфи, но в то же время то был хищный зверь, приготовившийся к прыжку.

Застенчивость и женское чутье пересилили у Грейс чувство страха; не признавшись Филипу, чего она испугалась, она спрятала лицо у него на груди и прошептала:

– Я все поняла.

Когда она подняла голову, Дамфи не было.

– Успокойся, Грейс. Я не хочу пугать тебя, но хочу, чтобы ты поняла всю тяжесть нашего положения, пока у нас еще есть силы, чтобы спастись. Путь к спасению – только один; ты знаешь, о чем я говорю; страшный путь, но разве не страшнее оставаться здесь и ждать гибели? Еще раз прошу тебя: доверься мне. Когда я говорил с тобой в последний раз, у меня было гораздо меньше надежды, чем сегодня. С тех пор я разведаль дорогу, я начал ориентироваться в расположении гор. Мы пройдем. Вот все, что я хотел тебе сказать.

– А сестра? А брат?

– Нести с собой малютку нам не по силам, да она и не вынесет тягостей пути. Твой брат должен остаться с ней; его сила и бодрость послужат ей опорой. Нет, Грейс, мы должны идти одни. Пойми, что наше спасение – это и их спасение. Они продержатся здесь, пока мы не вернемся за ними, а вчетвером мы не осилим трудностей пути. Я пошел бы и один, но я не в силах оставить тебя, милая Грейс.

– Если ты оставишь меня, я умру, – сказала она простодушно.

– Я знаю, – ответил он тоже без всякой аффектации.

– Но не лучше ли обождать? Помощь может прийти в любую минуту, даже завтра.

– Завтра мы будем слабее сегодняшнего. Силы наши убывают с каждым днем.

– А старый доктор?

– Он скоро будет там, где уже не нуждаются в помощи, – грустно сказал молодой человек. – Тсс, он просыпается.

Один из закутанных в одеяло мужчин зашевелился. Филип подошел к очагу, подбросил сучьев и разгреб угли. Вспыхнувшее пламя осветило лицо старика; его лихорадочно блестящие глаза были устремлены на Филипа.

– Зачем вы роетесь в очаге? – ворчливо спросил он с легким иностранным акцентом.

– Раздуваю огонь.

– Не троньте его.

Филип, не споря, отошел в сторону.

– Подойдите, – сказал старик.

Филип приблизился к нему.

– Можно не задавать вопросов, – сказал старик, пристально поглядев в глаза молодому человеку. – Ответы написаны у вас на лице. Все та же история. Я знаю ее наизусть.

– Ну и что?

– Ничего, – устало сказал старик.

Филип снова отошел.

– Вы закопали ящик и рукописи?

– Да.

– Надежно?

– Надежно.

– А как вы обозначили место?

– Пирамидой из камней.

– А немецкие и французские объявления?

– Прибил их везде, где мог, по краям старой дороги.

– Отлично.

Когда Филип повернулся, чтобы идти, циничское выражение на его лице словно усилилось. Не дойдя до двери, он остановился, вытащил из-за пазухи увядший цветок с поникшими лепестками и вручил его старику.

– Вот вам второй экземпляр того цветка, что вы разыскивали.

Старик приподнялся на локтях, схватил цветок и принялся разглядывать его, задыхаясь от волнения.

– Да, тот самый цветок, – сказал он с глубоким вздохом облегчения. – А вы... вы говорите, что нет новостей...

– Разрешите узнать, в чем же новость? – спросил Филип с легкой усмешкой.

– Новость в том, что я прав, а Линней, Дарвин и Эшшольц ошиблись. Сделано важнейшее открытие. Так называемая альпийская фиалка совсем не то, чем ее считали до сих пор... Совершенно самостоятельный вид!..

– Важная новость для людей, умирающих с голоду, – с горечью сказал Филип.

– Это еще не все, – продолжал старик, не обращая внимания на скептическое замечание Филипа. – Этот цветок не мог вырасти в полосе вечных снегов. Он зародился в теплой земле, под благодатным дыханием солнца. Если бы вы не сорвали его, он вырос бы и отцвел, как ему повелела природа. Это значит, что через два месяца там, где вы нашли его, да и здесь, где я сейчас лежу, будет расти трава. Мы – ниже уровня вечных снегов.

– Через два месяца! – воскликнула молодая девушка, нервно сжимая руки.

– Через два месяца! – сумрачно повторил молодой человек. – Через два месяца мы будем далеко отсюда или же нас не будет совсем.

– Допускаю, – сказал старик сухо. – Но если вы точно выполнили все, что касается безопасности моих коллекций и рукописей, они не пропадут и в свое время станут достоянием науки.

Эшли отвернулся с жестом нескрываемой досады, а старик бессильно опустил голову. Сделав вид, что он хочет приласкать ребенка, Эшли снова приблизился к Грейс, что-то сказал ей почти неуловимым шепотом и удалился через дверное отверстие. Когда он ушел, старик приподнял голову и позвал слабым голосом:

– Грейс!

– Что, доктор Декардженс?

– Подойди ко мне.

Она поднялась и приблизилась к нему.

– Зачем он подходил к очагу, Грейс? – спросил Декардженс, бросая на девушку подозрительный взгляд.

– Не знаю.

– Ты обо всем ему рассказываешь. Об этом ты тоже ему рассказала?

– Нет, сэр.

Декардженс пристально поглядел на нее, как если бы читал все ее тайные мысли, потом, как видно успокоившись, сказал:

– Пора остудить его в снегу.

Молодая девушка стала разрывать тлеющую золу, пока не обнаружила там камень величиной с куриное яйцо; камень был раскален добела и в полутьме светился. Двумя обгорелыми палочками она с некоторым трудом извлекла его из очага и положила в снег, нанесенный ветром у порога, после чего вернулась к изголовью Декардженса.

– Грейс!

– Да, сэр.

– Ты решила уйти?

Девушка ничего не ответила.

– Не говори – нет. Я подслушал ваш разговор. Допускаю, что это правильное решение. Но не в этом суть. Правильное ли, нет ли, ты уйдешь с ним все равно. Скажи, Грейс, что ты знаешь об этом человеке?

Ни почти что дочерняя любовь к доктору Деварджесу, рожденная многодневным общением, ни сблизившие их страдания, ни нависшая угроза смерти, ничто не приглушило в Грейс инстинктивной независимости женской натуры. Она тотчас оборонила себя щитом и стала слабой рукой парировать удары умирающего противника.

– Все мы знаем, сэр, какой он верный друг. Бескорыстный друг. Сколь многим все мы обязаны его отваге, его выдержке, его уму!

– Вздор! Еще что?

– Не знаю, что сказать... Разве только, что он всегда был предан вам. Я думала, что и вы его любите. Ведь это вы привели его к нам, – добавила девушка не без коварства.

– Да, я повстречал его в Суитуотере. Но я не знаю ни кто он, ни откуда он взялся. Тебе он что-нибудь рассказывал?

– Он бежал от злого отчима. К нему дурно относились в семье. Он отправился на Запад, решил поселиться один, среди индейцев или же попытать счастья в Орегоне. Он очень гордый – вы знаете это, сэр. Он не похож на нас, он джентльмен, как и вы, образованный человек.

– Да, здесь он образованный человек!.. Не отличает лепестка от тычинки! – проворчал Деварджес. – Пусть будет так. Скажи лучше, после того как вы с ним убежите, обещает он на тебе жениться?

На мгновение впалые щеки девушки зарделись румянцем; она растерялась, но тут же вновь овладела собой.

– Не жестоко ли так шутить, сэр, и в такую минуту? – кротко возразила юная лицемерка. – От нашего успеха зависит жизнь моего любимого брата, малютки сестры, жизнь погибающих женщин. Ни у кого, кроме нас двоих, не хватит сил пройти этот путь; без моей помощи ему будет труднее; ведь мне требуется гораздо меньше пищи для поддержания сил, чем ему. Я верю в нашу удачу; мы вернемся немедля, вернемся с подмогой. Нет, сэр, сейчас не время шутить. На карте жизнь наших спутников и ваша – тоже.

– Что до меня, – бесстрастно сказал старик, – я завершил расчеты с жизнью. Когда вы вернетесь, если только вы вернетесь вообще, – меня не будет в живых. – Судорога боли прошла по его лицу. С минуту он не шевелился, как бы набираясь сил. Когда он снова заговорил, голос его звучал слабее и глуше: – Подойди поближе, дитя, я должен тебе еще кое-что сказать.

Грейс колебалась. Разговор вселил в нее какой-то страх перед этим человеком. Она оглянулась на спящего брата.

– Он не проснется, – сказал Деварджес, следя за ней взглядом. – Снотворное еще действует. Принеси мне то, что ты вынула из золы.

Грейс принесла камень; он стал синевато-серым и походил теперь на кусок шлака. Старик взял его в руки, внимательно оглядел и сказал Грейс:

– Теперь потри его об одеяло, и покрепче.

Грейс повиновалась. Поверхность камня чуть заиграла белым блеском.

– Блестит, как серебро, – задумчиво сказала девушка.

– Это слиток серебра, – ответил Деварджес.

Грейс невольно выпустила камень из рук и отступила назад.

– Возьми, – сказал старик, – я отдаю его тебе. Я нашел его год тому назад в ущелье, когда обследовал горную цепь, идущую отсюда на запад. Там много серебра, целая сокровищница, ты слышишь меня, Грейс? Жила проходит в синеватой породе; помнишь, как выглядел камень, когда мы вчера его клали в огонь? Я опишу тебе это место, расскажу, как его найти. Я передаю тебе свое право на серебро – право первооткрывателя. Возьми его; владей моим богатством.

– Нет, нет! – поспешно возразила девушка. – Оставьте его себе. Вы будете жить, оно вам еще пригодится.

– Нет, Грейс. Я не взял бы его даже если б мне суждено было остаться в живых. Я был богат, очень богат, и богатство не принесло мне счастья. Эти залежи серебра мне ни к чему.

Сорная трава, которая растет рядом с ним, кажется мне теперь большим сокровищем. Прими мой подарок. В мире, в котором мы живем, богатство дает почет, положение в обществе. Прими мой подарок. Ты станешь такой же независимой и гордой, как твой возлюбленный. Ты будешь вечно прекрасной в его глазах, ибо твоя красота будет оправлена в серебряную раму и твоя добродетель получит серебряный пьедестал. Прими мой подарок: он – твой.

– Но у вас же есть родные, друзья, – возразила девушка, отступая прочь от светящегося камня в почти суеверном ужасе. – Есть другие, имеющие больше прав...

– Никто не имеет больше прав, чем ты, – торопливо прервал ее старик, переводя слабеющее дыхание. – Считай это наградой, если хочешь. Или взяткой твоему возлюбленному, чтобы он выполнил, что обещал, и спас мои коллекции и рукописи. Если хочешь, считай это искупительной жертвой; быть может, я знал когда-то другую молодую девушку, которой такой подарок спас бы жизнь. Словом, думай что хочешь, но прими мой дар.

Последние слова он произнес шепотом. Сероватая бледность разлилась по его лицу, дыхание стало прерывистым. Грейс хотела разбудить брата, но Деварджес коснеющей рукой воспретил ей это. Собрав силы, он приподнялся на локте, вытащил из кармана конверт и вложил ей в руку.

– Вот здесь... план местности, описание руды... все – твое... скажи, что ты согласна... скорее, Грейс, скорее...

Он сник. Грейс нагнулась, чтобы приподнять ему голову, но в этот момент кто-то заслонил собою дверное отверстие. Быстро оглянувшись, она снова увидела лицо Дамфи.

На этот раз она не вскрикнула, но, словно разом набравшись решимости, повернулась к Деварджесу и сказала:

– Я согласна.

Она снова оглянулась, с вызовом в глазах; Дамфи исчез.

– Спасибо, – сказал старик.

Губы его продолжали шевелиться, но слов нельзя было разобрать. Глаза словно подернулись пленкой.

– Доктор Деварджес! – позвала Грейс шепотом.

Старик не отвечал. «Он умирает», – мелькнуло в голове у девушки, и внезапный, неведомый доселе страх овладел ею. Живо поднявшись, она бросилась к брату и попыталась разбудить его. Он только застонал во сне. В отчаянии она огляделась вокруг, потом подбежала к дверному отверстию:

– Филип!

Никакого ответа. Через длинный узкий ход она выбралась наружу. Уже стемнело, и в нескольких футах от хижины ничего не было видно. Она торопливо оглянулась назад, а потом, как видно совсем потеряв голову, ринулась во тьму. В ту же минуту две фигуры вышли из тени и скользнули в хижину. Это были миссис Брэккет и мистер Дамфи.

Их можно было принять за двух крадущихся хищных зверей – так осторожны, дерзки и в то же время опасливы были их движения. То они передвигались на ногах, то припадали на четвереньки. Они металась по хижине, сталкивались в полутьме, награждали друг друга тумаками и плевками, шныряли по углам, рылись в гаснущих углях, в остывшей золе, перебрасывали одеяла и бизоньи шкуры, оглядывали и обнюхивали все, что попадало им под руку. Признав свое поражение, они злобно воззрились один на другого.

– Сожрали, будь они прокляты! – хрипло прошептала миссис Брэккет.

– Не похоже было на съестное, – возразил Дамфи.

– Ты же сам видел, как девчонка вынула эту штуку из огня?

– Да.

– И потеряла об одеяло?

– Да.

– Болван! И ты не разглядел, что у нее в руках?

– А что?

– Печеная картошка!

Дамфи был ошеломлен.

– А зачем ей было тереть печеную картошку об одеяло? Ведь сойдет хрустящая кожура! – спросил он.

– Господа не привыкли жрать в кожуре, – с проклятием ответила миссис Брэкет.

Дамфи все еще был под впечатлением сделанного открытия.

– Он сказал ей, что знает место, где есть еще, – прошептал он с жадностью.

– Где?

– Я не расслышал.

– Болван! Ты должен был ухватить его за глотку, вытряхнуть из него душу, – прошипела миссис Брэкет в бессильной ярости. – В блохе и в той больше отваги. Дай мне только добраться до девчонки. Тсс! Это что?

– Он шевелится, – сказал Дамфи.

В то же мгновение оба вновь превратились в застигнутых врасплох зверей, озабоченных только тем, чтобы унести поскорее ноги. Они боялись встать с места. Старик повернулся на бок и что-то прошептал в забыты. Потом позвал:

– Грейс!

Показавши своему спутнику знаком, чтобы он молчал, женщина склонилась к старику:

– Это я, родной.

– Скажи ему, чтобы ничего не забыл. Пусть помнит свое обещание. Пусть скажет тебе, где яма.

– Где, родной?

– Он скажет тебе. Он знает.

– Я слушаю, родной.

– При входе в Моньюмент каньон. В ста футах севернее одиноко стоящей сосны. На глубине в два фута под пирамидой из камней.

– Да.

– Волки почуют.

– Да.

– Камни – защита от хищных зверей.

– Да, конечно.

– От когтей и клыков...

– Да.

– От голодных зверей.

– Да, родной.

Блуждающий взор старика вдруг погас, как задутая свеча. Нижняя челюсть отвисла. Он умер. А над его мертвым телом сидели скорчившись мужчина и женщина, испуганные, но ликующие. На их лицах играла улыбка, первая улыбка с того рокового дня, когда они вступили в каньон.

3. Гэбриель

Наутро обнаружилось, что в лагере не стало пяти человек. Доктор Деварджес умер. Филип Эшли, Грейс Конрой, Питер Дамфи и миссис Брэккет бесследно исчезли.

Смерть старика едва ли кого взволновала или опечалила, но бегство четверых вызвало у оставшихся приступ бессильной ярости. Беглецы, как видно, разведали путь к спасению и ушли, никому ничего не сказав. Буря негодования нарастала: имущество беглецов было тотчас конфисковано, а жизнь объявлена вне закона. Были предприняты некоторые шаги – общим числом не более двадцати, – чтобы преследовать изменников.

Только один человек знал, что Грейс ушла с Филипом, – это был Гэбриель Конрой. Когда он проснулся на рассвете, то нашел клочок бумаги, припиленный к одеялу; на нем было написано карандашом:

«Боже, благослови дорогого брата и сестренку и сохрани им жизнь, пока мы с Филипом не придем назад».

Рядом лежало немного еды; как видно, Грейс собирала прощальный подарок, экономя его из своего скудного рациона. Гэбриель немедленно присоединил эти крохи к своему запасу.

Потом он принялся нянчить сестренку. При своей природной жизнерадостности Гэбриель был еще наделен особым умением развлекать детей, скорее даже не умением, а талантом. Этот молодой человек имел все данные, чтобы стать первоклассной нянькой или сиделкой. Физическая сила сочеталась в нем с нежностью, густой рокошущий голос рождал доверие, руки были умелыми и твердыми, к широкой груди невольно хотелось припасть. Так уж повелось с самого начала их изнурительного похода, что матери поручали его заботам своих детей, старухи умирали у него на руках, и каждый, кто в чем-либо нуждался, шел к нему за помощью. Никому не приходило в голову благодарить Гэбриеля, да и сам он не ждал ни от кого благодарности. Даже не помышляя, что творит добро, он не придавал своим поступкам ни малейшего значения. Как это и бывает в подобных случаях, остальные думали, что ему виднее, и ценили его доброту не больше, чем он сам. Мало того, принимая услуги Гэбриеля, они взирали на него при этом с некоторым снисходительным сожалением.

– Олли, – сказал он, слегка подбрасывая сестренку на руках, – что ты скажешь, если я подарю тебе хорошую куколку?

Олли широко раскрыла свои голодные глазенки и кивнула, выражая полное согласие и удовольствие.

– Красивую куколку с мамой, – продолжал Гэбриель. – Мама будет нянчить куколку, как настоящего ребеночка, а ты будешь ей помогать. Хочешь?

Предложение нянчить куколку вдвоем, видимо, заинтересовало Олли. Это была новинка.

– Тогда братец Гэйб тебе ее достанет. А Грейси куда-нибудь уйдет от нас; иначе не будет места для мамы с куколкой.

Олли сперва запротестовала, но потом, любопытная, как все женщины, даже когда они умирают с голоду, захотела поглядеть на новую куклу. Из благоразумия она все же спросила:

– А кукла не голодная?

– Эта кукла никогда не бывает голодной, – заверил ее Гэбриель.

– Вот как! – откликнулась довольная Олли.

Тотчас же наш хитрец разыскал несчастную миссис Дамфи.

– Вы совсем извелись со своей малюткой, – сказал он, погладив сверток у нее на руках и потрепав за щечку воображаемого младенца. – По-моему, детям лучше, когда они вместе. Боже мой, как похудела ваша крошка. Надо что-нибудь придумать. Пойдемте-ка с ней к Олли; девочка вам немного подсобит. Побудьте у нас до завтра.

Завтрашний день был для миссис Дамфи пределом, за который не переступало ее воображение.

Пока что вместе со своим свертком она перебралась в хижину Гэбриеля, и Олли получила требуемое развлечение. Возможно, что человек более утонченный и наделенный более ярким воображением не решился бы на столь трагическую инсценировку; Гэбриель же был доволен, что разрешил стоявшие перед ним трудности. Олли не спрашивала, куда ушла Грейс, и была вместе с миссис Дамфи занята делом. Сменяя одна другую, они нянчили свернутое одеяло. Девочка, готовя себя для Будущего, забыла о Настоящем; несчастная мать погружалась в воспоминания о Прошлом. Не думаю, чтобы кто-либо еще сумел без содрогания наблюдать, как Олли и миссис Дамфи урывали крохи от своей еды для несуществующего ребенка, но Гэбриель, как я уже сказал, был режиссером этого представления, а чтобы оценить зрелище по достоинству, нужно находиться в зрительном зале.

В полдень скончался истерический юноша, двоюродный брат Гэбриеля. Гэбриель навещал соседей, чтобы подбодрить их. Ему отчасти удалось это; во всяком случае, он вдохновил их златоуста на новые увлекательные рассказы. В четыре часа дня, когда Гэбриель отправился к себе, мертвое тело все еще оставалось непогребенным.

Темнело. Втроем они коротали время у очага, когда с миссис Дамфи вдруг что-то произошло. Она выронила сверток, руки ее бессильно упали, взгляд остановился. Гэбриель окликнул ее, потом потряс за плечо, но женщина не слышала его призыва. Олли зарыдала.

Плач девочки пробудил миссис Дамфи. По-прежнему не двигаясь, она заговорила, но каким-то странным, не своим голосом.

– Слышите? – Гэбриель сделал знак Олли, и та замолкла. – Они едут!

– Кто? – спросил Гэбриель.

– Спасатели.

– Где же они?

– Далеко, очень далеко. Только еще выезжают. Я вижу их: двенадцать мужчин на лошадях, навьюченных припасами. Их ведет американец; остальные все иностранцы. Они едут к нам, но они еще далеко. Ох, как далеко!

Гэбриель сидел, устремив взгляд на женщину, ни словом не прерывая ее. Она замолкла; можно было подумать, что она умерла. Потом заговорила снова:

– Солнце светит, птички поют, трава зеленеет на дороге. Но они еще далеко. Ох, как далеко!

– Знаете вы кого-нибудь из них? – спросил Гэбриель.

– Нет.

– А они знают нас?

– Нет.

– Почему же они едут сюда и откуда известно им, что мы здесь?

– Тот, кто ведет их, видел нас.

– Видел?

– Да, во сне.

Гэбриель присвистнул и поглядел на сверток с воображаемым младенцем. В речах безумной женщины могло быть нечто сверхъестественное или провидческое, – это Гэбриель допускал, но чтобы неведомый ему мужчина, не страдающий к тому же от голодного бреда, тоже оказался провидцем – это уж слишком! Все же, собрав весь свой оптимизм и природное добродушие, он спросил:

– Каким путем они поедут?

– Сперва по цветущей долине, потом берегом сияющей на солнце реки. Они перевалят через горы и вступят в другую долину, которая обрывается круто вниз к бурному потоку. Вот

он рядом, бежит по камням. Взгляните на эту долину! Вон там, за снежным пиком! Вся в цветущей зелени! В каплях дождя! Ну поглядите же! Вон там!

Она указала пальцем на север, где лежали грозные снега.

– А сами вы не можете отправиться туда? – спросил практически мыслящий Гэбриель.

– Нет.

– Почему?

– Я должна обожждать свою малютку. Она придет за мной сюда. Она будет искать меня.

– Когда она придет?

– Завтра.

Это столь любившееся ей слово она вымолвила в последний раз. Ее малютка пришла за ней вскоре после полуночи, пришла озаренная светом, которого не заметил Гэбриель. Отблеск его вспыхнул в гаснущих глазах несчастной безумной матери, когда она, привстав, простерла исхудалые руки навстречу своему дитяти – и упала мертвой.

Взяв с пола свернутое одеяло, Гэбриель положил его на грудь покойнице. Потом побежал в соседнюю хижину.

По причине, оставшейся нам неизвестной, он только лишь заглянул в хижину, а внутрь не вошел. Он никогда никому не рассказывал, что он там увидел; назад он шел шатаясь, белый как мел, с остановившимися от ужаса глазами. Одна только мысль владела им – бежать, бежать прочь от проклятого места. Он нырнул в свою хижину, схватил в охапку перепуганную, плачущую Олли и с отчаянным воплем: «Боже, спаси нас!» – пропал во тьме.

4. Природа указывает путь

К северу от каньона лежал крутой водораздел, похожий на могильник. Два путника медленно карабкались по его запавшему белому склону. К концу дня они перевалили через гребень и сделали остановку; два черных силуэта обрисовались на фоне закатного неба. То были Филип и Грейс.

Как ни была Грейс изнурена голодом и путешествием, личико ее, порозовевшее сейчас в лучах заходящего солнца, светилось прелестью. Дурно сидевшее мужское платье преобразило ее в мальчика, но не могло полностью скрыть очарование ее фигуры. Филипу отчетливо были видны длинные ресницы, осенявшие темные глаза девушки, и безукоризненный овал ее лица; он мог даже разглядеть пару-другую веснушек на ее чуть вздернутой верхней губе. Отчасти, чтобы прийти на помощь Грейс, отчасти, чтобы проявить нежность, он обнял ее за талию. Потом поцеловал ее. Возможно, что поцелуй был чисто машинальным. Тем не менее Грейс, с характерной для женской природы практичностью, немедленно задала ему вопрос, который задавала уже не раз:

– Ты любишь меня, Филип?

И Филип, с готовностью, которую в этих случаях проявляют мужчины, ответил, как отвечал и ранее:

– Люблю.

Молодой человек изнемогал от голода и тревоги. Они шли уже четыре дня. На второй день путешествия они отыскивали под снегом несколько сосновых шишек с нетронутыми семечками; потом ограбили дупло, где белка хранила свои запасы. На третий день Филип словил и самое хозяйку дупла; они пообедали ею. К вечеру в тот же день Филип увидел утку, летевшую вверх по ущелью. Он не сомневался, что утка держит путь к какому-нибудь горному водоему, а потому, прежде чем сбить ее, тщательно приметил направление ее полета. Они повернули, куда летела утка; а наутро съели свою путеводительницу.

Сейчас Филип снова терялся в догадках. Взобравшись с таким трудом на острый гребень водораздела, они не увидели ничего, кроме бесчисленных белых валов, неумолимо простиравшихся до самого горизонта. Ничто не говорило о близости реки или озера. Откуда же взялась эта птица, куда направляла свой полет? Филип уже стал мучительно думать, не сменить ли им направление пути, когда неожиданное происшествие освободило его от необходимости самостоятельно решать этот вопрос.

Пытаясь проникнуть взором за пределы снежной равнины, Грейс подошла к самому краю утеса и вдруг почувствовала, что камень под нею колышется. Рванувшись вперед, Филип успел обнять ее за плечи: но в ту же минуту массивный карниз рухнул в пропасть; девушка повисла на руке Филипа. От сотрясения сдвинулась с места и гранитная плита, на которой стоял сам Филип. Не успел он сделать даже шага, как плита дрогнула и заскользила вниз, увлекая за собой их обоих. По счастью, эта огромная лавина из камня и льда обогнала их в падении и основательно пропахала крутой склон горы, круша торчащие утесы и оставляя после себя ровную, хоть и почти что отвесную дорогу.

Падая, Филип даже не пытался уцепиться за край рушащейся скалы; это вызвало бы камнепад, который погубил бы их наверняка. Пока он еще управлял собою, он спрятал лицо Грейс на своей груди и обнял ее что было сил; так он знал, что, даже теряя сознание, будет охранять ее в падении по проложенному лавиной пути. В полузабытьи он чувствовал, как свет в его глазах сменяется тьмой, слышал треск ломающихся сучьев, ощущал уколы хвои на руках и на лице. Потом падение словно приостановилось, мир завертелся кругом него, голова его невольно приняла участие в этом кружении, и тогда – только тогда – он вкусил полный покой забвения.

Когда Филип пришел в себя, в горле у него жгло; он задышался. Открыв глаза, он увидел склонившуюся над ним Грейс, бледную, встревоженную; она растирала ему снегом виски и руки. По ее круглой щечке струйкой стекала кровь.

– Ты ранена, Грейс? – спросил Филип, с трудом ворочая языком.

– Нет, мой милый, храбрый Филип. Я так счастлива, что ты жив.

Сказав это, она страшно побледнела и прислонилась к дереву. Даже верхняя губка ее, обласканная лучами солнца, стала белой как мел.

Но Филип не видел ее. В изумлении он озирался по сторонам. Он лежал посреди камней и поломанных сосновых веток. Он слышал шум бегущей воды; в ста футах от него текла река. Филип взглянул вверх, откуда струился багряный свет заходящего солнца. Покалеченные сосны поддерживали на своих ветвистых лапах пробитую камнем снежную кровлю. Красные лучи играли и на поверхности потока, проникая через случайные отверстия в этом удивительном своде, закрывшем реку от солнца.

Теперь он понял, куда утка направляла свой полет! Понял, почему они с Грейс так и не увидели реку! Понял, куда подевались птицы и звери и почему снежная пустыня не сохранила их следов! Сомнения не было, они с Грейс вышли на дорогу!

С криком восторга он вскочил на ноги.

– Грейс, мы спасены.

Грейс ответила ему радостным взглядом, но радость ее относилась главным образом к тому, что он жив и здоров.

– Как ты не понимаешь, Грейс, ведь – это дорога, проложенная самой природой. Не тот путь, что мы с тобой искали, но вполне надежный путь; река приведет нас в долину.

– Да, я знаю, – сказала Грейс.

Филип удивленно поглядел на нее.

– Я видела долину сверху, когда тащила тебя прочь от камнепада. Вон с того места.

Она указала на скалу, торчащую над проломом в снежной кровле. На скале примостился свалившийся сверху огромный камень.

– Ты тащила меня, дитя?

Легкая улыбка засветилась на лице девушки.

– Ты не представляешь, какая я сильная, – сказала она и подтвердила свои слова, упав в глубокий обморок.

Филип кинулся к ней. Потом стал нащупывать на боку фляжку, которую свято хранил в течение всех своих бедствий; фляжки не было. Он огляделся; фляжка валялась на снегу, пустая.

Впервые отчаяние исторгло стон у Филипа. При звуке его голоса Грейс открыла свои кроткие глаза. Она увидела, что ее возлюбленный стоит, глядя на порожнюю фляжку, и улыбнулась.

– Я вылила все тебе в рот, милый, – сказала она. – Ты был так бледен, я боялась, что ты умираешь. Прости, милый.

– Я был оглушен – и только, но что с тобой, Грейс?

– Мне уже лучше, – ответила она и попыталась встать, но тут же, негромко вскрикнув, снова упала на землю.

Филипа уже не было рядом с ней. Он взбирался вверх на скалу, по пути, который она ему указала. Когда он вернулся, лицо его сияло.

– Я видел долину, Грейс. До нее – две-три мили, не больше. Мы дойдем засветло и там заночуем.

– Боюсь... что мы не дойдем, – грустно сказала Грейс.

– Почему же не дойдем? – спросил нетерпеливо Филип.

– Потому что... у меня... сломана нога.

– Грейс!
Она снова лежала без чувств.

5. Из лесу – в сумрак

По счастью, Грейс ошибалась. У нее не была сломана нога, а всего лишь сильно растянуты связки; тем не менее от боли она не могла стоять. Филип снял с себя рубашку, порвал на бинты и, намочив их в ледяной воде, перевязал девушке распухшую щиколотку. Он подстрелил перепелку, потом еще одну утку, расчистил место для ночлега, развел костер и угостил Грейс вкусным горячим ужином. Голодная смерть больше не грозила им, опасности остались позади; самое худшее, что могло их ждать, это – несколько дней вынужденного промедления.

За последние два-три часа заметно потеплело. В полночь порыв сырого ветра зашевелил сосны у них над головой; что-то глухо застучало по снежной кровле. Шел дождь.

«Весна отправилась в поход!» – прошептал Филип.

Но Грейс было не до стихов, даже из уст любимого человека. Она уронила голову ему на плечо и сказала:

– Ты должен идти один, милый. Оставь меня здесь.

– Грейс!

– Да, Филип. Я дождусь тебя здесь. Я ничего не боюсь. Мне здесь настолько лучше, чем...

им.

Почувствовав на руке слезы, Филип поморщился. Быть может, совесть у него была не совсем спокойна, быть может, он услышал укор в тоне девушки, быть может, вспомнил, что она говорит ему об этом уже не в первый раз. Молодой человек решил, что пора прибегнуть к тому оружию, которое он любил именовать «здравым смыслом». Оценивая свои душевные качества, Филип всегда считал себя пылкой, импульсивной натурой, человеком великодушным до безрассудства, которого хранит от полной гибели лишь способность к здравому суждению.

С минуту он молчал, собираясь с мыслями. Разве не верно, что, рискуя собственной жизнью, он вырвал эту девушку из объятий смерти? Разве не заботился он о ней в течение их опасного путешествия, принимая на себя все тяжести пути! А какое счастье он дал ей, любив ей! Разве сама она не признавалась ему в этом? Как беспомощна сейчас эта девушка, и с какой готовностью он медлит здесь ради нее. Наконец, разве не ждет ее с ним пока еще, правда, туманное, но, конечно же, блистательное будущее? А она сейчас, когда спасение уже совсем близко, хнычет о двух умирающих людях, которым все равно – разве что случится чудо! – суждено умереть раньше, чем она к ним вернется. Филип немало гордился своей способностью к самоанализу; когда он расходился с кем-нибудь во мнениях, то всегда считал долгом поставить себя на место своего противника (нечего говорить, что он оказывался в этом случае довольно сговорчивым противником!). Сейчас он ставил себя на место Грейс и ясно видел, что всякая другая ради такой любви и ради такого будущего забыла бы обо всем на свете. То, что девушка продолжает упорствовать, говорит либо о ее нравственной отсталости, либо о каких-то других природных недостатках.

Строить такого рода отвлеченные схемы очень легко, в особенности если оградить себя от всяких возражений. Подобное случается не только в горах Сьерры и не только с людьми, страдающими от физического истощения.

Помолчав, Филип сказал довольно сухо:

– Давай объяснимся, Грейс, и постараемся получше понять друг друга, прежде чем мы двинемся дальше или же повернем обратно. Минуло пять суток с тех пор, как мы покинули снеговую хижину. Если бы даже мы точно знали дорогу назад, то все равно не смогли бы попасть туда раньше, чем еще через пять суток. К тому времени там все решится. Если помощь еще не пришла, можно считать, что они погибли безвозвратно. Мои слова могут показаться тебе жестокими, Грейс, но они не более жестоки, чем сама жизнь. Если бы мы остались там, то наверняка не сумели бы ничем им помочь; разве только разделили бы их участь. Я разделил

бы судьбу твоего брата; ты – твоей сестры. То, что мы остались живы, – наше счастье, никак не наша вина. Как видно, нам суждено было спастись. Все могло повернуться и по-иному; мы погибли бы в пути; их спасли бы люди, случайно пришедшие в каньон. И они тоже тогда решительно ничем не смогли бы нам помочь.

Логические выкладки Филипа не производили на Грейс никакого впечатления: бедняжка думала лишь о том, что скажи он ей это раньше, она ни за что не покинула бы своих родных. Полагаю, что читатели-мужчины легко поймут, сколь крепкой была позиция Филипа и сколь бессильна была Грейс поколебать ее.

Она испуганно глядела на своего спутника. Быть может, слезы туманили ее взор, но ей казалось, что речи Филипа отодвинули его куда-то далеко-далеко. Она почувствовала себя покинутой. Ей хотелось броситься к нему в объятия, как прежде, но ее сковывало чувство стыда, неведомое ранее.

Филип заметил ее замешательство и, как видно, почувствовал неладное. Он отодвинулся.

– Не будем решать, как спасти других, пока не спаслись сами, – сказал он с горечью. – Пройдет несколько дней, пока ты сможешь ходить, а ведь мы еще даже не знаем толком, где мы находимся. Сейчас тебе лучше всего уснуть, – добавил он помягче. – А утром подумаем, что делать дальше.

Грейс уснула в слезах. Ах, бедная Грейс! Не такого объяснения она ждала, когда мечтала откровенно поговорить с Филипом о себе, об их будущем. Она хотела рассказать о тайне доктора Деварджеса; поведать Филипу все, все до последнего слова, даже те сомнения, которые Деварджес высказывал на его счет. В ответ Филип поделился бы с ней своими планами. Вместе они вернулись бы в лагерь со спасательной партией. Все признали бы Филипа героем. Гэбриель с радостью отдал бы за него сестру, и все были бы так счастливы! А сейчас те, кого они покинули в лагере, наверно, умерли, проклиная ее и Филипа... А Филип?.. Он даже не поцеловал ее, не пожелал ей «доброй ночи». Вот он сидит угрюмый, прислонившись к дереву.

Мутный свинцовый рассвет с трудом пробился через снежную кровлю. Лил дождь, вода в реке поднялась и все продолжала прибывать. Мимо неслись заснеженные льдины, поломанные сучья, смытый с гор лесной мусор. Порой проплывало дерево, вырванное с корнями; длинные разветвленные корни торчали вверх, как мачты корабля. Вдруг Филип, сидевший с поникшей головой, вскочил, что-то громко крича. Грейс подняла усталый взор.

Он указывал пальцем на плывущее дерево, которое ударилось о берег и, закрутившись, стало рядом с ними, как у причала.

– Грейс! – сказал Филип, загораясь прежним энтузиазмом. – Природа снова протягивает нам руку помощи. Если мы спасемся, то только по ее милости. Сперва она привела нас к реке, теперь прислала за нами корабль. Собирайся!

Девушка не успела еще ответить, как Филип весело схватил ее в охапку, перенес на приставшее к берегу дерево и усадил между двух корневищ. Рядом он положил ружье и мешок с припасами, а потом, подобрав длинный сук, прыгнул сам на корму импровизированного корабля и оттолкнулся от берега. С минуту дерево помедлило, потом течение подхватило его, и оно устремилось вниз по реке, как живое.

Вначале, пока бурлящий поток мчался меж близко сошедших берегов, лишь огромным напряжением сил Филипу удавалось держать свой корабль на середине течения. Грейс сидела, затаив дыхание, и любовалась кипучей энергией своего возлюбленного. Немного погодя Филип закричал:

– Взгляни-ка на это бревно! Здесь должен быть поселок.

Рядом с ними плыло свежесрубленное сосновое бревно. Луч надежды перебил грустные мысли Грейс. Если здесь так близко живут люди, быть может, те, в лагере, уже спасены. Она не доверила своих мыслей Филипу, а он, занятый делом, больше ни разу к ней не обращался.

Девушка радостно встрепенулась, когда Филип обернулся наконец и, балансируя при помощи своего шеста, стал пробираться к ней по шаткому кораблю. Подойдя, он сел рядом и, впервые со вчерашнего вечера взявши ее руку, ласково сказал:

– Грейс, дитя мое, я должен с тобою поговорить.

Грейс возликовала; сердечко ее заколотилось; в первый момент она даже не в силах была поднять свои густые ресницы, чтобы взглянуть ему в лицо. Не замечая ее волнения, Филип продолжал:

– Пройдет еще несколько часов, и мы с тобой покинем пустыню и снова вступим в цивилизованный мир. Мы приедем в поселок, там нас встретят мужчины, быть может, и женщины. Все это будут чужие люди; не родные, которые знают тебя с детства, не друзья, с которыми ты провела долгие недели, совместно деля страдания; нет, посторонние, чужие люди.

Грейс поглядела на него, но ничего не сказала.

– Ты сама понимаешь, Грейс, что, не зная нас с тобой, они могут вообразить все, что угодно. Ты – молодая девушка, я – молодой человек; и мы – вдвоем. Твоя красота, милая Грейс, послужит поводом для ложных предположений; все их охотно примут за истину; а то, что было с нами на самом деле, сочтут неправдой. И потому нам лучше обо всем молчать. Я поеду со спасательной партией один, тебя же оставлю здесь, в надежных руках, до своего возвращения. Но ты не будешь Грейс Конрой, ты примешь мою фамилию.

Горячий румянец залил щеки Грейс: приоткрыв губы, она с замиранием сердца ждала, что он скажет дальше.

– Я выдам тебя за свою сестру. Ты будешь Грейс Эшли.

Девушка побледнела, опустила ресницы, закрыла лицо руками. Филип терпеливо ждал ответа. Когда Грейс опустила руки, лицо ее было спокойным, даже бесстрастным. Верхняя губка горделиво поднялась, на щеках снова заиграл румянец.

– Ты совершенно прав.

В ту же минуту над их головой засияло солнце, неся с собой свет и тепло. Их корабль, миновав крутую излучину, выбрался на простор, и они поплыли по широкому водному полю меж отлогих зеленых берегов, залитых полуденным солнцем. Впереди, за ивовой рощицей, меньше чем в миле от них, виднелась дощатая хижина; дымок из трубы медленно таял в недвижимом воздухе.

6. Следы

Вот уже две недели солнце, свершив каждодневный путь в безоблачном небе, уходило за неподвижную гряду Моньюмент Пойнта. Но ни разу за все четырнадцать дней ничто не нарушало призрачной белизны занесенных снегом утесов, и белые валы, как бы пораженные насмерть в своем стремительном беге, по-прежнему господствовали на всем необозримом пространстве. Было первое апреля, ветерок нес с собою дыхание ранней весны, а во всей угрюмой пустыне не было ник-ого, кто мог бы ему порадоваться.

И все же, пристально взглядевшись, можно было заметить некоторые скрытые от глаз перемены. Белый бок горы словно запал еще глубже; кое-где снег осел и наружу вылезли серые утесы; сугробы стояли по-прежнему, но они утратили белую округлость; кое-где ледяные глыбы сползли вниз по склону, обнажив сверкающий на солнце гранит. Кости скелета начинали проглядывать сквозь истлевающую плоть. Это была последняя гримаса гиппократовой маски, которую напяливала на себя Природа. Перемены, впрочем, были безмолвными, тишина оставалась нерушимой.

Но вот долину смерти огласил звон шпор и человеческие голоса. По ущелью, преодолевая сугробы и ледяные барьеры, двигались вереницей всадники и навьюченные мулы. Громкий стук подков и людская речь пробудили в горах долго дремавшее эхо, сбили с утесов и с деревьев облачки снежной пыли, а под конец вызвали из какой-то ледяной пещеры существо столь дикого вида, худое, взъерошенное, нелепое, что принять его за человека было никак нельзя. Это существо сперва ползло по снегу, хоронясь за встречными скалами, как перепуганный зверь; потом залегло за деревом, как видно поджидая приближающуюся кавалькаду.

Впереди ехали два всадника. Один был сумрачен, молчалив, погружен в свои думы. Второй – живого характера, беспокоен, речист. Прервал молчание первый; слова его падали медленно, словно он говорил не о том, что видел вокруг, а о чем-то ином, запечатлевшемся в его памяти.

– Уже близко. Я видел их где-то здесь. Знакомые места.

– Дай-то бог, чтобы вы были правы, – живо подхватил второй. – Если мы и сегодня не покажем людям хоть что-нибудь толковое, они попросту удерут с этой призрачной охоты. Увы, это так!

– Где-то здесь я видел мужчину и женщину, – продолжал первый, как будто не слыша ответа спутника. – Сейчас мы подьем к сложенной из камней пирамиде. Если нет, считайте, что мое сновидение – мираж, а сам я – старый болван.

– Предъявите нам хоть что-нибудь, – сказал второй, рассмеявшись, – клочок бумаги, старое одеяло, поломанное дышло. Колумб долгое время держался на одном-единственном обрывке водоросли. Но что это они там разыскали? Господи Боже! Да ведь за скалой что-то движется!

Словно повинуюсь неведомому зову, всадники сбились в кучу; даже те из них, что громче всех роптали и еще минуту назад называли экспедицию пустой затеей и блажью, сейчас замерли от волнения. Поджидавший их за деревом неведомый зверь вышел из убежища и, обнаружив свое людское обличье, хрипло крича и нелепо жестикулируя, направился прямо к ним.

Это был Дамфи.

Первым пришел в себя руководитель экспедиции. Пришпорив коня, он подскакал к Дамфи.

– Кто вы такой?

– Человек.

– Что с вами?

– Умираю с голоду.

– А где другие?

Дамфи окинул всадника подозрительным взглядом и спросил:

– О чем это вы толкуете?

– Где остальные? Вы что, один?

– Да, один.

– Как вы сюда попали?

– Вам что за дело? Я умираю с голоду. Дайте мне поесть и попить.

Дамфи изнемог и опустился на четвереньки.

Среди подъехавших всадников послышались сочувственные возгласы.

– Да накормите вы его! Разве не видите, он не то что говорить, – стоять не может. Где же доктор?

Младший из руководителей экспедиции прекратил споры.

– Оставьте его, я займусь им сам. Пока моя помощь нужнее ему, чем ваша.

Он наклонился к Дамфи и влил ему в рот немного коньяку. Дамфи закашлялся, потом поднялся на ноги.

– Так как же вас зовут? – ласково спросил молодой врач.

– Джексон, – ответил Дамфи, смерив его наглым взглядом.

– Откуда вы?

– Из Миссури.

– Как вы сюда попали?

– Отстал от партии.

– А они?

– Ушли вперед. Дайте мне поесть.

– Заберите его в лагерь и там поручите Санчесу. Он знает, что делать, – приказал доктор, обращаясь к одному из всадников. – Итак, Блент, – обратился он к своему товарищу, – ваша репутация спасена. Должен заметить, впрочем, что из обещанных вами девяти экземпляров мы имеем пока что лишь один. К тому же весьма низкого качества, – добавил он, провозжая взглядом удалявшегося Дамфи.

– Я буду счастлив, доктор, если дело этим и ограничится, – сказал Блент. – Готов вернуться хоть сейчас. Но внутренний голос твердит мне, что надо ехать дальше. Этот человек пробуждает самые страшные опасения... Что там еще?

Подъехал всадник, держа в руках лист бумаги, оборванный по углам, словно он был прибит гвоздями, а потом сорван.

– Объявление... На дереве... Не могу прочитать, – сказал недавний *вакери*¹.

– Да и мне не прочесть, – сказал Блент, поглядев на объявление. – Кажется, написано по-немецки. Позовите Глора.

Подъехал долговязый швейцарец. Блент передал ему объявление. Тот внимательно прочитал его.

– Здесь указано, где искать закопанное в земле имущество. Ценное имущество.

– Где же?

– Под пирамидой из камней.

Доктор и Блент обменялись взглядом.

– Веди нас! – сказал Блент.

Они ехали молча около часа. Когда, по прошествии этого времени, всадники достигли уступа, за которым каньон круто поворачивал в сторону, Блент громко вскрикнул.

¹ пастух (исп.)

Впереди лежала куча камней; ранее, как видно, они были уложены в определенном порядке, но кто-то их раскидал. Снег и земля кругом были изрыты. На снегу валялись рукописи, раскрытый портфель с зарисовками птиц и цветов, застекленный ящик с коллекцией насекомых – стекло было разбито – и растерзанные чучела птиц. Невдалеке виднелась какая-то груда лохмотьев. Подъехав к ней поближе, один из всадников, что-то воскликнув, соскочил с коня.

Это был труп миссис Брэкет.

7. Следы теряются

Женщина умерла с неделю назад. Она была неузнаваема, черты лица искажены, руки и ноги сведены судорогой. Молодой врач, склонившись, тщательно осмотрел труп.

– Умерла от голода? – спросил Блент.

Доктор ответил не сразу. Он взялся за чучела птиц; одно из них понюхал и даже слегка лизнул. Помолчав, он сказал:

– Нет. Отравлена.

Люди, склонившиеся над мертвым телом, разом отпрянули.

– По-видимому, несчастный случай, – бесстрастно продолжал врач. – Изголодавшаяся женщина набросилась на эти чучела. А они были опрыснуты крепким раствором мышьяка, чтобы защитить их от насекомых. Женщина пала жертвой заботливости ученого.

Среди всадников прошел ропот негодования и ужаса.

– Выходит, эти чертовы птицы были ему дороже людей, – заявил разъяренный швейцарец.

– Отравил женщину, чтобы спасти дичь, – добавил другой.

Доктор улыбнулся. Деварджесу было бы рискованно встретиться сейчас с этими людьми.

– Если жрец науки еще здесь, – сказал он тихо Бленту, – ему нужно где-нибудь отсидеться хотя бы несколько часов.

– Вы о нем что-нибудь слышали?

– Европейский ученый, у себя на родине довольно известный. Я где-то встречал его имя, – ответил доктор, проглядывая подобранные рукописи, – Деварджес. Он пишет здесь, что сделал важное открытие; как видно, придает своей коллекции большое значение.

– Может быть, следовало бы подобрать ее и привести в порядок? – спросил Блент.

– Сейчас некогда этим заниматься, – возразил доктор. – Каждая минута дорога. Сперва люди, наука потом, – полушутливо добавил он, и все пустили коней рысью.

Коллекции и рукописи, плоды многомесячного самоотверженного труда ученого, его неусыпных забот и тревог, свидетельство его бескорыстного энтузиазма и торжества научной мысли, остались лежать в снегу. Подувший из ущелья ветер разметал их по сторонам, как бы выказывая тем свое презрение, а солнце – уже довольно жаркое – накалив металлические части застекленного ящика и портфеля, погрузило их еще глубже в подтаявший снег, словно стремясь похоронить навеки.

Объехав долину по краю, где сползший со склонов снег обнажил дорогу, они добрались за несколько часов до дерева, стоявшего у входа в роковое ущелье. Объявление висело по-прежнему, но деревянная рука, указывавшая, где находятся обитатели снеговых хижин, изменила по прихоти ветра свою позицию и теперь зловеще направляла вытянутый палец вниз, прямо в землю. Сугробы у входа в каньон были все еще глубоки, и участникам экспедиции пришлось спешиться, чтобы продолжать свой путь. Словно по взаимному уговору, все шли молча, медленно ступая друг за другом, придерживаясь за камни по склону каньона, когда мокрый снег под ногами становился ненадежным, пока не увидели наконец деревянную трубу, а за нею часть кровли, торчавшую из-под снега. Подойдя поближе, они остановились и обменялись взглядом. Руководитель экспедиции склонился к отверстию трубы и что-то прокричал.

Ответа из хижины не последовало. Каньон подхватил крик человека и немного погодя откликнулся эхом. Затем снова воцарилась тишина, прерываемая только падением сосульки с утеса да шуршанием снежных оползней. Тишину нарушил Блент. Он обогнул хижину и, чуточку помешкав у входа, вошел внутрь. Через мгновение он появился вновь, бледный и сумрачный, и поманил доктора. Тот тоже спустился в хижину. Мало-помалу за ними последовали и остальные. Когда они вышли наружу, то положили на снег три мертвых тела; потом

вернулись и вынесли разрубленные остатки четвертого. Покончив с этим, все долго стояли в молчании.

– Должна быть и вторая хижина, – сказал Блент.

– А вон и она, – сказал кто-то, указывая на торчавшую невдалеке трубу.

На этот раз дело обошлось без предварительных раздумий и никто не пытался кричать в трубу. Надежды больше не было. Направившись прямо к дверному отверстию, все спустились внутрь, потом вышли, стали в кружок и принялись что-то взволнованно обсуждать. Они так углубились в спор, что не заметили, как рядом появился незнакомый человек.

8. Следы почти неразличимы

То был Филип Эшли! Да, Филип Эшли, похудевший еще более, с запавшими глазами, измученный долгим путем, но по-прежнему исполненный нервной энергии. Филип, оставивший Грейс четыре дня тому назад в семействе гостеприимного траппера-метиса в Калифорнийской долине. Сумрачный, озлобленный Филип, неохотно пустившийся в это путешествие, но верный обещанию, данному Грейс, и суровым требованиям совести. Да, Филип Эшли! Он стоял возле хижины, озираая спорящих равнодушно-циническим взглядом.

Первым заметил его доктор и тут же кинулся к нему с радостным криком.

– Пуанзет! Артур! Откуда ты взялся?

Узнав доктора, Эшли залился густой краской.

– Тише! – вырвалось у него почти против воли. Потом, торопливо оглядев стоявших вокруг людей, он промолвил смущенно, с очевидным замешательством: – Я оставил свою лошадь вместе с вашими у входа в каньон.

– Понятно, – живо сказал доктор, – ты приехал, как и мы, чтобы спасти этих несчастных. Увы, все мы опоздали. Да, опоздали.

– Опоздали? – повторил вслед за ним Эшли.

– Да. Одни мертвы, другие покинули лагерь.

По лицу Эшли пробежало неизъяснимое выражение. Доктор ничего не заметил, он в этот момент что-то шепотом объяснял Бленту. Потом, сделав шаг вперед, сказал:

– Капитан Блент, разрешите представить вам лейтенанта Пуанзета, моего старого сотоварища по Пятому пехотному полку. Мы не виделись, два года. Как и мы, он прибыл сюда, чтобы оказать помощь несчастным. Таков его характер.

Речь и манеры Филипа ясно показывали, что он человек хорошо воспитанный и образованный. После сердечной рекомендации молодого доктора все отнеслись к нему с полной симпатией. Почувствовав это, Филип поборол смущение.

– Так кто же все-таки эти люди? – спросил он более уверенным тоном.

– Все они названы в объявлении, которое мы нашли прибитым к дереву. Поскольку оставшиеся в живых ушли, никто с точностью не знает теперь, кто эти мертвецы. По личным вещам доктора Деварджеса мы установили, где он находился. Он похоронен в снегу. В той же хижине мы нашли тела Грейс Конрой и ее маленькой сестренки.

Филип глянул на доктора:

– Как вы узнали, что это Грейс Конрой?

– Там нашлось платье с ее метками.

Филип вспомнил, что Грейс переделалась в костюм умершего младшего брата.

– Значит, только по меткам? – спросил он.

– Нет. Доктор Деварджес оставил список обитателей своей хижины. Двое исчезли: брат Грейс Конрой и еще один человек по имени Эшли.

– Куда же они могли деться? – глухо спросил Филип.

– Сбежали! Чего еще ждать от таких людей? – ответил доктор, презрительно пожимая плечами.

– Что значит «таких людей»? – внезапно вспыхнул Филип.

– О чем ты спрашиваешь, дружище? – отвечал доктор. – Разве ты их не знаешь? Помнишь, как они проходили через наш форт? Попрошайничали, чего не удавалось выклянчить – крали, и еще жаловались в Вашингтон, что воинские власти не оказывают им содействия. Затевали свары с индейцами, потом улепетывали, а нам доставалось расхлебывать кашу. Вспомни-ка этих мужчин, костлявых, больных всеми хворями на свете, нахальных, распущенных! А эти женщины! Немытые, воняющие табаком, каждая с выводком детей, старухи в двадцать лет!

Филип хотел было противопоставить нарисованной картине грациозный образ Грейс, но почему-то из его замысла ничего не получалось. За последние полчаса природное тяготение Филипа к «чистому обществу» возросло во сто крат. Он поглядел на доктора и сказал:

– Да, ты прав.

– Разумеется, – откликнулся доктор. – Чего от них ждать? Люди, признающие одну лишь физическую силу, лишены всякой морали. Здесь каждый думал только о себе, сильный обижал слабого, творились убийства, бог знает что еще.

– Вполне возможно, – торопливо согласился Филип. – Ну, а эта девушка, Грейс Конрой? Что о ней известно?

– Ее нашли мертвой. В руках она держала одеяло, в котором, наверное, была завернута ее малютка сестра. Эти скоты вырвали ребенка из рук умирающей женщины. Ну, хватит об этом. Расскажи лучше, Артур, как ты сюда попал. Твоя часть стоит поблизости?

– Нет, я уволился из армии.

– Вот как! Значит, ты здесь один?

– Один.

– Ну и ну! Мы все это подробно обсудим, когда вернемся. Ты сможешь мне писать отчет. Наша экспедиция имеет вполне официальный характер, хоть и направлена сюда, – представь! – чтобы проверить ясновидческий дар нашего уважаемого Блента. Проверка окончилась в его пользу, хотя других крупных достижений у нашей экспедиции пока нет.

Доктор вкратце изложил Филипу всю историю экспедиции, начиная с привидевшегося Бленту сна о партии эмигрантов, гибнущих от голода в горах Сьерры, и вплоть до их с Филипом сегодняшней встречи. Рассказ был выдержан в духе легкомысленно-цинического юмора, который так часто в былые дни скрашивал их унылые трапезы в офицерской столовой. Вскоре оба собеседника дружно хохотали. Люди из состава экспедиции, занятые погребением мертвых и разговаривавшие между собой торжественным Шепотом, услышав, как два благовоспитанных джентльмена юмористически трактуют эти события, устыдились напущенной на себя серьезности и стали, в свою очередь, пошучивать довольно крепко и без особого изящества. Щепетильный Филип нахмурился, доктор расхохотался. Оба друга направились к выходу из каньона и оттуда поехали рядом.

То, что Филип хранил глухое молчание о себе и об обстоятельствах своей жизни, было вполне в его характере и потому не вызвало ни удивления, ни подозрения у его друга. Доктор был счастлив, что встретил Филипа и может теперь снова общаться с человеком своего круга и воспитания; остальное его мало интересовало. Он гордился своим приятелем и был весьма доволен впечатлением, которое Филип произвел на этих грубых, необразованных людей, с которыми доктор – в силу демократического обычая, господствующего на неосвоенных окраинах страны, – должен был общаться как равный с равными. Филип же с юных лет привык, что его друзья гордятся им. Он даже ставил себе в заслугу, что редко использует это обстоятельство в личных интересах. Сейчас он подумал, что если поведает доктору, что был одним из обитателей Голодного лагеря и доверит ему историю своего бегства с Грейс, тот наверняка восхитится его отвагой. От подобных мыслей пробудившиеся было угрызения совести стали быстро затихать.

Дорога шла через Моньюмент Пойнт, мимо раскиданной пирамиды. Филип уже проезжал здесь по пути в каньон и сделал из разыгравшейся трагедии некоторые полезные для себя выводы. Он счел, что теперь свободен от обязательств, которые дал покойному ученому. Все же, чтобы развеять оставшиеся небольшие сомнения, он спросил:

– Насколько ценны эти рукописи и коллекции? Нужно ли их спасать?

Доктор уже давно тосковал по достойной аудитории, перед которой мог бы блеснуть своим скептическим взглядом на жизнь.

– Хлам! – сказал он небрежно. – Останься бедняга жив, быть может, коллекции и пригодились бы ему, дали бы повод потщеславиться. А так я не вижу в них ничего, о чем стоило бы сожалеть.

Тон этих замечаний напомнил Филипу безапелляционный тон самого доктора Деварджеса, и он сумрачно усмехнулся. Когда всадники подъехали поближе, они увидели, что и природа усвоила циническую точку зрения по обсуждаемому вопросу. Металлический ящик едва виднелся из-под снега, ветер далеко разметал листки рукописи, и теперь едва ли кто смог бы догадаться, что раскиданные камни были когда-то сложены в правильную пирамиду.

9. Следы исчезли навсегда

Палящее майское солнце уже разогрело глинобитные стены Сан-Рамонского *пресидио*², зажгло ярким пламенем красную черепицу на крыше, накалило задний двор и заставило мулов и *вакеры* из только что прибывшего каравана отступить в тень длинной балюстрады, когда секретарь почтительно потревожил команданте³, вкушавшего в низенькой отгороженной комнатке рядом с караульным помещением свою обычную сиесту. За все тридцать лет это был первый случай, чтобы команданте потревожили в часы дневного отдыха. «Язычники!» – было первой его мыслью, и рука потянулась к верному толедскому клинку. Но, увы, как раз сегодня повар забрал на кухню толедский клинок, чтобы переворачивать тортильяс⁴, и дон Хуан Сальватьерра удовольствовался тем, что строго спросил секретаря, что случилось.

– Сеньорита... американка... хочет видеть вас немедленно.

Дон Хуан снял черный фуляр, которым он имел обыкновение повязывать свою седую голову, и принял сидячее положение. Но не успел он полностью перевоплотиться в официальное лицо, как дверь медленно отворилась и в комнату вошла молоденькая девушка.

На девушке было грубое поношенное платье с чужого плеча: ее кроткие глаза запали, а длинные ресницы были влажны от слез; печаль выбелила ей щеки и проглядывала в горькой складке совсем юных губ, но при всем том девушка была так хороша, так по-детски невинна, так беспомощна, что команданте сперва вытянулся перед ней во весь свой рост, а потом склонился в глубоком поклоне, почти что коснувшись рукою пола.

Как видно, благоприятное впечатление было взаимным. Увидав долгоязого старика с благородной осанкой и сразу приметив серьезные, добрые глаза команданте, освещавшие верхнюю половину его лица (в нижней господствовали черные с проседью усы), юная посетительница преодолела свою робость, всплеснула руками, с плачем кинулась вперед и упала на колени у его ног.

Команданте попытался было ласково поднять ее, но девушка осталась стоять на коленях.

– Нет, нет, выслушайте меня. Я бедная, одинокая девушка. Несчастливая, бездомная! Месяц тому назад я оставила свою умирающую от голода семью в горах и отправилась искать помощи. Мой... брат... пошел со мной. Бог смилостивился над нами; после долгих изнурительных странствий мы пришли в хижину траппера; он накормил нас, дал нам приют. Филип... мой брат... пошел обратно в горы, чтобы спасти остальных. Он не вернулся. О сударь, он мог погибнуть, быть может, все они погибли. Один бог знает! Уже три недели, как он ушел, целых три недели! О, как тяжело быть столько времени одной среди чужих людей. Траппер пожалел меня, сеньор. Он сказал, чтобы я пошла к вам просить помощи. Сможете ли вы мне помочь? О да, я знаю, вы поможете. Вы разыщете их, моих друзей, мою маленькую сестренку, моего брата!

Выждав, пока девушка окончит свою речь, команданте ласково поднял ее и усадил в кресло рядом с собой. Потом он обернулся к секретарю, и тот ответил на его немой вопрос несколькими торопливыми фразами по-испански. С глубоким разочарованием девушка увидела, что ее речь осталась непонятой. Когда она повернулась к секретарю, через которого ей надлежало беседовать с команданте, в ее глазах промелькнула ожесточенность, новая черта характера, прежде совсем ей несвойственная.

– Вы американка?

² укрепленные пункты с гарнизонами, учрежденные испанскими колонизаторами в XVIII столетии для подавления местного индейского населения; после американо-мексиканской войны и захвата Калифорнии американцами в 1848 году пресидио утратили свое военное и административное значение.

³ командующий гарнизоном (исп.)

⁴ маисовые лепешки.

– Да, – коротко ответила девушка. Как это бывает порою с женщинами, она почувствовала к секретарю-переводчику инстинктивную непреодолимую антипатию о первого взгляда.

– Сколько вам лет?

– Пятнадцать.

Коричневая рука команданте поднялась сама собою и погладила кудрявую головку.

– Как зовут?

Девушка смутилась и взглянула на команданте.

– Грейс, – ответила она, а потом, чуть помедлив и глядя с вызовом прямо в лицо секретарю, добавила: – Грейс Эшли.

– Назовите кого-нибудь из тех лиц, с кем вы путешествовали, мисс Грэшли.

Грейс задумалась.

– Филип Эшли, Гэбриель Конрой, Питер Дамфи, миссис Джейн Дамфи, – сказала она.

Секретарь открыл бюро, вынул какой-то печатный документ, развернул его и углубился в чтение. Затем, сказав: «Виено»⁵, вручил его команданте. «Виено», – промолвил и команданте, бросая на Грейс ласковый взгляд.

– Спасательная партия, вышедшая из Верхнего пресидию, обнаружила лагерь американцев в Сьерре, – сообщил секретарь унылым голосом. – Здесь указаны их имена.

– Ну да! Конечно! Это наш лагерь!.. – радостно воскликнула Грейс.

– Не знаю, – сказал секретарь с сомнением в голосе.

– Наш! Конечно, наш! – настаивала Грейс.

Секретарь снова прочитал бумагу и сказал, глядя на Грейс в упор:

– Здесь нет имени мисс Грэшли.

Кровь прихлынула к щекам Грейс, она опустила глаза. Потом подняла умоляющий взгляд на команданте. Если бы старик понимал, что она говорит, она, ни минуты не колеблясь, бросилась бы ему в ноги и призналась бы в своем невинном обмане. Но объясняться через секретаря ей было невозможно. Поэтому она несмело попыталась отстоять свою позицию.

– Возможно, что моего имени нет случайно, – сказала она. – Поищите имя Филипа, моего брата.

– Да, Филип Эшли здесь есть, – сумрачно сказал секретарь.

– Значит, он жив и здоров, не правда ли? – вскричала Грейс, позабыв от радости только что пережитый стыд.

– Его не нашли, – сказал секретарь.

– Не нашли? – повторила Грейс с широко раскрытыми от ужаса глазами.

– Его не оказалось на месте.

– Ну да, – сказала Грейс с нервным смешком. – Ведь он ушел со мной. Но потом он вернулся, пошел назад.

– В день тридцатого апреля Филипа Эшли там не было.

Девушка заломила руки и застонала. Все ее прежние страхи отступили перед новым ужасным известием. Обернувшись к команданте, она бросилась на колени.

– Простите меня, сеньор, у меня не было в мыслях ничего дурного, клянусь вам! Филип не брат мне, он мой друг, нежный, любящий друг. Он просил меня принять его фамилию, – бедный мой друг, увижу ли я его когда-нибудь?! – и я вняла его просьбе. Нет, я не Эшли. Не знаю, что написано в вашей бумаге, но там должны быть имена моего брата Гэбриеля, моей сестренки, многих других. Ради бога, сеньор, ответьте, живы они или нет? Ответьте мне... потому, что я... я – Грейс Конрой.

Секретарь успел тем временем сложить свою бумагу. Теперь он снова развернул ее, поглядел еще раз, уставился на Грейс, потом, отметив ногтем какое-то место в документе,

⁵ отлично (исп.)

передал его команданте. Мужчины переглянулись, команданте закашлялся, встал с кресла и отвернулся, избегая умоляющего взгляда Грейс. Когда секретарь по приказу команданте вручил ей бумагу, девушка почувствовала, что холодеет от ужаса.

Трепещущими пальцами она стиснула документ. Это было какое-то объявление на испанском языке.

– Я не знаю вашего языка, – сказала она, топнув в исступлении маленькой ножкой. – Что здесь сказано?

По знаку команданте секретарь встал и развернул бумагу. Сам команданте глядел в открытое окно. Пробитое в стене необыкновенной толщины, оно походило на амбразуру. Струившийся в него солнечный свет падал прямо на Грейс, освещая ее изящную головку, слегка наклоненную вперед, полуоткрытые губы и молящие глаза, обращенные к команданте. Секретарь привычно откашлялся и с апломбом многоопытного лингвиста принялся за перевод:

«УВЕДОМЛЕНИЕ

Его превосходительству, командующему гарнизоном Сан-Фелипе.

Имею честь сообщить вам, что спасательная экспедиция, снаряженная на основании сведений, представленных доком Хосе Блуэнтон из Сан-Геронимо, чтобы оказать помощь партии эмигрантов, терпящей бедствие в горах Сьерра-Невады, обнаружила в каньоне к востоку от Канада-дель-Диабло следы названных эмигрантов, свидетельствующие о прискорбной истории их лишений, страданий и конечной гибели в снегах. В приложенном ниже письменном документе, оставленном несчастными путешественниками, приводятся их имена и рассказана история их похода, возглавлявшегося капитаном Конроем.

В снегу были обнаружены пятеро погибших путешественников; опознать удалось двоих. Тела были погребены с соблюдением надлежащей гражданской и религиозной церемонии.

Наши солдаты проявили отвагу, выдержку, патриотизм, неутомимость и высокую дисциплинированность, характерные для духа мексиканской армии. Также заслуживает самой высокой оценки поступок дона Артура Пуанзета, отставного лейтенанта американской армии, который, будучи сам путешественником в чужом краю, бескорыстно предложил экспедиции свои услуги.

Несчастные путешественники погибли от голода, хотя в одном случае следует подозревать действие...»

Переводчик на мгновение запнулся, но тут же, демонстрируя глубокое презрение к трудностям английского языка, продолжал:

«...действие мушиного яда. С прискорбием сообщаем, что среди погибших находится знаменитый доктор Поль Деварджес, естествоиспытатель и собиратель чучел птиц и животных, хорошо известный ученому миру».

Секретарь сделал паузу, оторвал взор от бумаги и, глядя прямо в лицо Грейс, произнес тихо и отдельно:

«Опознаны были тела Поля Деварджеса и Грейс Конрой».

– Нет! Нет! – в ужасе воскликнула Грейс, всплескивая руками. – Это ошибка. Зачем вы так пугаете меня, бедную, одинокую, беззащитную девушку? Вы хотите наказать меня, господи,

за то, что я поступила дурно и солгала вам. Смилуйтесь надо мной... О Боже!.. Филип, где ты? Спаси меня!

Она поднялась, закричала громко и отчаянно, обхватила голову своими худенькими ручками, потом простерла их к небу и рухнула как подкошенная.

Команданте склонился над девушкой.

– Позовите Мануэлу, – торопливо сказал он, поднимая на руки бесчувственную Грейс и резким, несвойственным ему жестом отклоняя попытку секретаря прийти ему на помощь.

В комнату вбежала горничная-индианка; она помогла команданте уложить девушку на кушетку.

– Бедное дитя, – сказал команданте. Мануэла между тем, ласково склонившись к Грейс, распустила ей шнуровку. – Бедное дитя, без отца, без матери.

– Бедная женщина, – промолвила вполголоса Мануэла, – одна, без мужа.

Часть вторая Через пять лет

1. Гнилая лощина

Гнилая Лощина переживала небывалый расцвет. Думаю, что даже сам основатель поселка, окрестивший его в приступе пьяного безрассудства этим злосчастливым именем, останься он жив, непременно признал бы сейчас свою неправоту. Увы, задолго до того, как Лощина вступила в период расцвета, он пал жертвой чрезмерного разнообразия алкогольных напитков в барах Сан-Франциско. «Тянул бы Джим, как бывало, чистое виски и, глядишь, разбогател бы на этой жиле, что шла под его хижинкой», – так сказал один из мудрецов Гнилой Лощины. Но Джим поступил по-иному. Намыв золота на первую тысячу долларов, он отправился немедленно в Сан-Франциско и там пустился во все тяжкие, запивая коньяк шампанским, а джин – немецким пивом, пока не завершил свой краткий блистательный путь на больничной койке. Гнилая же Лощина не только пережила своего крестного отца, но и преодолела неблагоприятные предзнаменования, заложенные в ее имени. Сейчас поселок имел собственную гостиницу, почтовую станцию, парочку салунов и один ресторан без подачи алкогольных напитков; а еще два квартала одноэтажных деревянных домов на главной улице, несколько десятков хижин, лепившихся по горным откосам, и свежие пни на только что расчищенных лесных участках. Невзирая на свою юность, Лощина была обременена преданиями, традициями, воспоминаниями. Любопытствующие могли посетить первую палатку, которую собственноручно поставил Джим Уайт; в ставнях салуна «Качуча» зияли пулевые отверстия: именно здесь Бостон Джо и Гарри Уорс бились с Томсоном из поселка Ангела; с чердака салуна «Эмпориум» все еще торчало круглое бревно, на котором с год назад был повешен, без лишних формальностей, один из видных граждан Лощины после краткого обсуждения вопроса, откуда он взял своих мулов. А неподалеку стоял неказистый амбар, примечательный тем, что в нем однажды заседали делегаты, пославшие в установленном порядке достопочтенного Бланка представлять Калифорнию в высших законодательных учреждениях страны.

Сейчас шел дождь, не тот нормальный цивилизованный дождь, который льется сверху вниз, как это искони заведено в здешних горных местах, нет, какой-то бесхарактерный, нерешительно морозящий дождик, готовый в любой момент отречься от собственного естества и выдать себя за туман. Поставить цент на такой дождь и то было бы безрассудством. Поскольку он умудрялся сочтиться не только сверху, но и снизу, то нижние конечности бездельников мужского пола, собравшихся у квадратной печки в лавке Бриггса, дымились от испаряющейся влаги.

Здесь собрались сейчас все те, кто по недостаточной утонченности вкуса, а может, и просто из-за нехватки наличных денег, избегали салунов и игорных домов. Гости жевали сухари из бочонка, принадлежавшего щедрому Бриггсу, и набивали трубки из ящика с табаком, принадлежавшего ему же, скромно полагая, что их общество в какой-то мере компенсирует хозяина за понесенный материальный ущерб.

Все молча курили; изредка кто-нибудь, откашлявшись, плевал на раскаленную печку. Внезапно дверь, ведущая во внутренние помещения, отворилась, и на пороге появился Гэбриель Конрой.

– Ну как он, Гейб? – спросил один из куривших.

– Ни хорошо, ни худо, – отвечал Гэбриель. – Пока придет доктор, смени ему компресс, Бриггс. Я и сам бы вернулся через час, да Стива нужно навестить, а к нему от моей хижины добрые две мили.

– Он сказал, что без тебя никому прикоснуться к себе не позволит, – возразил мистер Бриггс.

– Ничего, притерпится, – задумчиво ответил Гэбриель. – И Стимсон так говорил, когда ему было плохо, а потом ничего, обтерпелся. Я так и не зашел к нему до самых похорон.

Все признали правоту этих слов, даже Бриггс, хотя он и остался недоволен. Гэбриель направился к выходу, но его снова кто-то окликнул:

– Послушай, Гейб, помнишь тех эмигрантов в палатке, у которых хворал ребенок? Он умер ночью.

– Вот как, – печально сказал Гэбриель.

– Тебе не мешало бы зайти подбодрить их. А то мать убивается.

– Непременно зайду, – сказал Гэбриель.

– Я знал, что тебе захочется зайти, да и мать будет рада, что я тебя послал, – заявил все тот же доброхот, устраиваясь у печки с видом человека, который; пошел на крупные жертвы, чтобы выполнить свой моральный долг.

– И всегда ты о всех печешься, Джонсон! – сказал восхищенный Бриггс.

– А как же, – отвечал Джонсон с подобающей случаю скромностью. – Мы, калифорнийцы, не должны бросать своих ближних в беде. Вот я внес свою лепту и теперь спокоен: Гейб о них позаботится.

Пока тянулся этот разговор, неприметный филантроп Гнилой Лощины захлопнул за собой дверь и пропал во тьме. Он выполнял принятые поручения с таким тщанием, что только к часу ночи подошел к своему жилищу на склоне горы. Это была хижина, сбитая из грубо обтесанных сосновых бревен, столь примитивная с виду, что ее лишь с трудом можно было характеризовать как создание рук человеческих. Крыша из древесной коры сплошь поросла диким виноградом; в щелях птицы давно свили гнезда; белка забилась прямо на конек и там грызла свои желуди без страха и без упрека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.